

Маяковский

и современная поэзия

Продолжаем обсуждение, начатое статьей Ст. Лесневского («ЛГ», № 36, 1982). Сегодня слово предоставляется критику А. Кондратовичу.

ПРИЗНАЮСЬ, что первая в очередной дискуссии о нынешнем состоянии поэзии статья Ст. Лесневского «...Начинается там, где есть тенденция» меня несколько удивила. Она какая-то слишком спокойная и хоть замыслена в защиту традиций Маяковского в нашей сегодняшней поэзии, написана без маяковской напористой определенности, без его рапирных выпадов и, главное, без его твердости в отстаивании собственных взглядов.

Статья Ст. Лесневского лишь к концу обретает ту конкретную остроту, с которой, как я полагаю, и должно говорить о современной поэзии. Не могу не присоединиться к Ст. Лесневскому, когда он пишет об упадке репутации поэтического сборника, и знаете, еще почему? Тот же Маяковский — и не он один — выпускал **новые** сборники своих стихотворений. А сейчас, когда то и дело читаешь в рекомендательных аннотациях: «автор пятнадцати поэтических сборников...», «автор двадцати трех...», это чаще ясного переиздания, куда, конечно, включено кое-что новенькое, но с соответствующей дозировкой, «выгодной» для следующего переиздания. А хорошо ли таким образом, простите, морочить голову читателям и заодно демонстрировать свою кипучую «трудовую» активность?

«Бросается в глаза, что упало также искусство **отдельного стихотворения**», — пишет Ст. Лесневский, и я снова с ним согласен. Я бы только опять расширил это вполне справедливое утверждение: куда меньше стало поэтических индивидуальностей, хотя стихотворных книжек издается теперь столько, что любой нынешний Тарасенков, собиратель поэзии XX века, растерялся бы. Вы не были в Доме книги на Калининском проспекте? Так вот, нередко там можно увидеть любопытную картину: и народу вроде немало, ходят-бродят, но возле некоторых прилавков порой три-пять человек. И возле каких, только подумайте: в том числе у тех, где предлагают поэзию!

В чем тут дело при действительно книжном буме?

Один ответ напрашивается простейший, однако от него куда не уйдешь: снизился спрос, иначе говоря, читательский интерес к современной поэзии. Почему? Был же лет двадцать назад другой бум — «эстрадный», когда тот же Политехнический, как и во времена Мая-

А. КОНДРАТОВИЧ

ГДЕ ОНА, «ГЕНЕРАЛЬНАЯ ДУМА»?

ковского, ломился от желающих попасть туда, об этом пишут и Ст. Лесневский, и поэт Валентин Сидоров, который тогда тоже трепетал от восторга («Какие страсти в нас бродили! Восторг, овации, свистки...»). А потом что пришло? «Волна возвратного прилива»? Ст. Лесневский и особенно Валентин Сидоров склонны оценивать ее только положительно, один — «усиливалось направление медитативное, философское, тяготение к истокам, к отечественной классике», другой — «А победили, победили простые русские стихи», словно с эстрады читалось что-то не русское. Но не пришло ли со всем этим усилением медитативного и философского некоторое успокоение сердец творцов самой поэзии? Не стала ли у иных поэзия вольно или невольно уходить от читателя «в себя», и волновавшие Политехнический гражданские струны начали звучать все тише и тише, а у кого-то и совсем смолкли?

Мне прислали в подарок «День поэзии. 1981», изданный в Ленинграде. Я начал читать его, дочитал до половины, есть имена известные, есть — впервые узнаю. И вдруг я подумал: да не часть ли прилавка передо мной из Дома книги, только под одним переплетом? Потому что в хороводе имен, хорошо знакомых и неизвестных, а особенно самих стихотворений я почувствовал одну особенность — этакое культурное однообразие, привычность инертной мысли, иногда так и кажется, несколько не возбужденной жизненным событием, а рифмующей легкую добычу первопопавшихся впечатлений.

Есть, разумеется, в этой большой книге на триста шестьдесят с лишним страниц хорошие, темпераментные, боевые стихи. Но бьюсь об заклад, больше половины таких, что меняй над ними имена — никто, кроме авторов, не за-

метит. А прочитаешь — и тут же забудешь, о чем они.

Тут есть о чем призадуматься, если не пригорюниться...

милли мне мало что сказала, но кое-что сказала, какими-то стихотворениями он меня раньше «зацепил». Пусть от Александра Кочеткова останется только одна эта «Баллада...», появившаяся, кстати, в печати в московском «Дне поэзии» только в 1966 году, но она останется, у меня и сомнений нет на этот счет.

И сейчас, разумеется, немало поэтов хороших и разных. Но их всегда было больше — и не хороших и вовсе не разных. При Пушкине и Лермонтове они уже роились. И все-таки смею заявить, что сейчас их количество становится почти фантастическим. Книжные прилавки об этом вопиют.

Учтем еще одно обстоятель-

ство: с общей культурой, несомненно, повысился общий уровень версификации. Недавно я где-то прочел возражение: да что вы, дескать, и в нынешние времена уровень среднего или просто плохого все тот же. Не скажите. Теперь иногда пишут так, что безликость, если не приглядеться к ней, ничем не разнится от того, о чем еще писал Твардовский: «Чем не стихи? Не хуже тех стихов, что в «Новом мире». И верно, часто несколько не хуже. Безликость становится при нашем, чуть не сказал подьеме, все-таки состоянии версификации почти неуловимой. Ну чем, например, вот это стихотворение из «Огонька» хуже того, что появляется и в «Новом мире», да и почему бы ему быть хуже, как-никак у «Огонька» более чем двухмиллионный тираж: «Под тяжестью дождя вниз яблоко упало, с качнувшихся ветвей неспешно сорвалось. И горькое вино, что до поры дремало, вмиг вспыхнувшей звездой на небо пролилось. Попробуй отыскать... Упрятанное садом,

А рядом — это я цитирую Багрицкого — «Тихонов, Сельвинский, Пастернак» («А в походной сумке спички и табак. Тихонов, Сельвинский, Пастернак...»), а к ним еще присоедините и самого Багрицкого, и Светлова, и Асеева, и Исаковского, и молодых тогда, но с какими своими, ни на кого не похожими и ни с чем не сравнимыми стихами Твардовского, Корнилова, Павла Васильева, Смелякова — с ума сойти, скольких я ведь, рядом с ними было немало теперь уже и забытых, но и они таялись, старались обрести прочим, и от них кое-что осталось — и надолго. На фронте мне дали прочитать переписанную от руки «Балладу о прокуренном вагоне». Я прочитал, обалдел оттого, что это было так хорошо — неожиданно и поразительно по своей никого не напоминающей поэтичности, что только после этого я спросил: чье это? И когда мне сказали — Александра Кочеткова, то фа-

прогнул земную твердь, оно в траве лежит. И не о чем жалеть. Искать его не надо, оно уже не нам принадлежит. Вчера дразнило нас. И вот его не стало... Разгадка всего сущего проста: где дерево цвело — там яблоко упало. Где ликовала жизнь — там взорвалась звезда». Все здесь на месте, есть даже некая магия таинственно-загадочной «философичности». Иди догадайся, почему яблоко упало, прогнуло твердь земную или что означает сей сон: «Где ликовала жизнь — там взорвалась звезда»? Да вы и не пытайтесь догадываться: глубокой, современной и тем более своей мысли здесь нет, всего

лишь о том, что жизнь бес- смертна, плодородна и бесконечна, только все это еще завернуто в оболочку мерцающе-красивой метафоричности. Кто-нибудь еще удивится: вот как написал: «и горькое вино, что до поры дремало, вмиг вспыхнувшей звездой на землю пролилось». Да поймите, удивившиеся: в наш век такие метафоры и глубокомысленные рацеи на рубль пучок. Так же как лирика того же автора, уже под современный романс à la retro: «Напрасно не зови. Зря умолять не надо... В миг сладостный любви и боль поет и радость. Напрасно не зови, с холодным сердцем—мимо. В миг сладостный любви оно (кто же все-таки это загадочное «оно», не сердце же, поскольку холодно и мимо? — А. К.) неукротимо. Напрасно не зови, когда все стало ясно... В миг сладостный любви не надо звать напрасно». Ох, не завидую адресату этого стихотворения. Впрочем, как и читателю. А так, что ж, все при себе — стих как стих.

Это уже довольно извест- ный Евгений Антошкин. У не-

го есть и неплохие стихотво- рения, недавно его последнюю книгу похвалили в «Литературной газете» (№ 30, 1982), и я согласен со многими по- ложениями рецензии. Но в та- ком случае и больший спрос с поэта: нельзя же так рас- слабляться и терять контроль над собственным творчеством.

Хуже всего то, что безли- кость, бесстрастность, а если прямее — равнодушие иногда выдаются за... гражданствен- ность. Все это, мол, и есть то, чем мы дышим и живем. Читаю в газете, в общем-то, стандартные, но, вдумайтесь в сам стандарт, какие похва- лы: «...на первом плане — духовный мир и труд совре-

подыскивалось: «лебедой» ори- гинальнее выглядит.

Не кажется ли вам, что гражданский тонус нашей поэзии при всех оговорках и ссылах на имена, произведе- ния, в общем-то, снизился? Мне лично не только кажет- ся, я это вижу, в каком изда- нии ни сунусь. И не потому ли (одна, разумеется, из при- чин, только одна, но сущест- венная) стихов и поэтов все прибавляется и прибавляется, а вот что касается личностей в самой поэзии... Ушли Твар- довский, Прокофьев, Смеля- ков, Исаковский, Мартынов, Щипачев, Берггольц, Сергей Орлов, Луконин... Какие вот уж действительно невозмести- мые потери... А что за это время, как мы их потеряли, появилось? Не так уж и мно- го. В семидесятых годах к читателю как бы заново при- шли Рубцов и Прасолов, спа- сибо тем, кто их вернул, при жизни оба не были в особой милости у критики, да и чи- татели не больно их знали. Теперь они есть и будут с нами. Прекрасно.

А из живых, таких, чтобы удивиться, кого из вновь явив- шихся можно назвать? Знаю, назовете мне имена вполне достойные...

А на прилавках книги, кни- ги, книги, имена, имена, име- на...

Закончу ссылками на боль- шого поэта. Вот цитата более чем двадцатилетней давности из Твардовского, но будто се- годня написана. Оценив «про- дуктивность» адресата-поэта, он заметил при этом: «...но я не нашел, чтобы эта продук- тивность была в плане и духе

некоей ГЕНЕРАЛЬНОЙ ДУМЫ, одержимости каким-то чувст- вом, задачей, поиском, — нет, всего понемногу, но в основ- ном та же очень приятная (по- камест!) любовь ко всем жи- текским цветам и оттенкам, ГОТОВНОСТЬ ОТОЗВАТЬСЯ НА ВСЕ, что идет в душу: на снег, на дождь, на прочитан- ную книгу, прослушанную пе- сенку, подмеченную подроб- ность той или иной картины, — и отозваться хорошо, выра- зительно, но уже, простите меня, С НЕКОТОРОЙ НАБИ- ТОСТЬЮ РУКИ в малых секре- тах изготовления «вещиц», не плохих, даже хороших, но все- уне на один покррой». Нет ге- неральной думы — значит, для Твардовского нет существен- ного, общезначимого и, сле- довательно, общечитаельско- го интереса — и тогда «вещи- цы», а не стихотворения. И я видел, как при всем доб- ром отношении к этому поэту Твардовский не раз возвращал ему такие «вещицы», не счи- тал возможным открыть им дорогу к читателю в редакци- руемом им журнале.

Таких «вещиц» в нашей поэзии, по всему видно, не убавляется.

Не будем однако, панико- вать. Дела в поэзии не так уж плохи, хотя эта моя ста- тья по виду и содержанию вроде свидетельствует, что плохи, дальше ехать некуда. Да нет, я всего лишь об оп- ределенном явлении написал, а не о всей поэзии. О явлении настораживающем и мешаю- щем движению вперед. О ра- кушечнике, нарастающем на подводной части корабля. И о том, чтобы безгражданст- венность, безликость, мими- крирующие под поэзию, да еще современную, все-таки угадывать и разгадывать. От- личать зерно от полова.

179